

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2024-4-42-48

**САКРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СЕМЕЙНОГО БЫТА В ТВОРЧЕСТВЕ
И. С. ШМЕЛЕВА И Н. В. ГОГОЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
«ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»)**

© **Муратова Татьяна Анатольевна**
кандидат филологических наук,
Ставропольский государственный педагогический институт
Россия, 355000, г. Ставрополь, ул. Морозова, 56
o_tanyamuratova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются реализация концепта «сакральное» в бытовом пространстве повестей Н. В. Гоголя и И. С. Шмелева, его интерпретация в художественном мире обоих писателей, а также аксиологическое обоснование сакрализации материального мира в данных произведениях. В работе отмечается схожий взгляд писателей на гармонию материального и духовного мира, единство бытового и бытийного начал, а также внимание авторов к тайным и сокровенным смыслам повседневной жизни героев. Отдельно выделяется мотив вторжения темных и зловещих сил, противопоставляемых замкнутому сакральному пространству в текстах повестей, образующих ключевую онтологическую оппозицию «зло — добро». Особое внимание уделяется символическому значению бытовых образов и духовному контексту авторского изображения домашнего уклада, кулинарной культуры и повседневной жизни.

Ключевые слова: семья, художественный образ, духовность, бытие, христианство, мировосприятие, повседневность, аксиология, мистика, миф.

Для цитирования

Муратова Т. А. Сакральные образы семейного быта в творчестве И. С. Шмелева и Н. В. Гоголя (на материале произведений «Лето Господне» и «Старосветские помещики») // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 4. С. 42–48.

Введение

Русская литература, переживая сложные и болезненные события XX в., прошла через множество трансформаций: от поиска новых форм до раскола на два идеологических лагеря — литературу диаспоры и литературу метрополии. Однако аксиологическая доминанта, заложенная русской классикой XIX в., имела неоспоримое влияние на мировосприятие поэтов и писателей следующей эпохи. Разорвать эту связь оказалось не под силу ни эмиграционным процессам, ни цензуре, ни историческим катаклизмам. Духовная преемственность, традиции классической литературы, сотериологический вектор русской словесности — все это позволяет рассматривать литературу творцов Золотого и Серебряного веков как единое наследие великой национальной культуры, в контексте которой художественные и творческие параллели произведений Н. Гоголя и И. Шмелева не кажутся случайными.

Т. А. Муратова. Сакральные образы семейного быта в творчестве И. С. Шмелева и Н. В. Гоголя (на материале произведений «Лето Господне» и «Старосветские помещики»)

А. М. Любомудров обращает внимание на близкое писателям острое и эмоциональное восприятие религиозного опыта [8], сопровождающегося у обоих авторов чередой сомнений и страхов в сочетании с глубокой православной духовностью их художественных текстов, а также определяет схожие авторские задачи в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя и «Путях небесных» И. С. Шмелева [7]. С учетом немногочисленности работ, обращенных к параллелям в творчестве писателей, представляется обоснованной необходимость, актуальность изучения их произведений в данном контексте, а выбор аксиологического подхода как основного продолжает исследовательскую стратегию, намеченную в статьях А. М. Любомудрова. Определяя цель и задачи работы, следует обозначить не только выявление сакральных образов и смыслов в религиозной и ценностной парадигме повестей Н. В. Гоголя и И. С. Шмелева, но и констатирование особого мастерства бытописательства у обоих художников. Внимание Н. Гоголя и И. Шмелева к обычаям русской жизни, интерес к традиционному укладу, подробное изображение пищи, деталей одежды и домашнего убранства определены любовью обоих писателей к бытовой культуре дома, символике домашнего очага и семейного уюта, через которые можно раскрыть важные смыслообразующие концепты их творчества, а также проследить связь духовного и материального миров в произведениях великих русских писателей Золотого и Серебряного веков отечественной литературы.

Результаты

Проблема понимания сакрального в гуманитарных науках чаще всего рассматривается с религиозной и философской точек зрения, а также в связи с оппозицией «сакральное — профанное» [4]. В контексте данной работы сакральное понимается не столько в рамках религиозного или трансцендентного опыта, но в качестве духовного переживания, выражаемого через символы, предметы и обычаи, «надеждаемые особым смыслом» [11]. Учитывая, что сакрализация бытового пространства в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя и «Лете Господнем» И. С. Шмелева исключает строгое противопоставление священного мирскому, можно выделить иное толкование противоборствующих сил в этих произведениях — сакрального как особого духовного мироощущения, воплощенного через гармонию священного семейного быта, и сакрального как мистического вторжения злых сил, выступающих в роли разрушительной силы небытия (смерти).

В русской литературе образ семьи, отражая и кризисы, и трансформации каждой конкретной эпохи, всегда связан с состоянием ценностной системы человека [1]. В творчестве И. С. Шмелева сакрализация материального мира принимает самые разные выражения: от одухотворенной реальности «Богомолья» и «Лета Господня» до прямого вторжения высших сил и провиденциализма «Путей небесных». Быт в произведениях писателя чаще всего связан именно с православной культурой, о чем пишет Г. В. Мосалева: «В творчестве Шмелева Быт впервые становится Сюжетом произведения на том основании, что “быт” формирует и определяет бытие героя. Православный “быт” шмелевского героя онтологичен, он начало и продолжение Бытия героя» [10, с. 131]. В подобном контексте изображение семейного быта «Лета Господня» становится не только частью художественного мастерства и авторского стиля, но и аксиологической системой, выражающей отношения героя и мира, особый ракурс восприятия действительности через призму имплицитной сакральности повседневной жизни.

Уже первая глава «Лета Господня» переориентирует восприятие читателя с материального и внешнего на внутреннее и потаенное: «Я смотрю на растерзанные бумажные цветочки, назолоченый пряник “масленицы” — игрушки, принесенной вчера из бань: нет ни медведиков, ни горок, — пропала радость. И радостное что-то копошится в сердце: новое все теперь, другое. Теперь уж “душа начнется”, — Горкин вчера рассказывал, — “душу готовить надо”» [13, с. 505].

Разрушение мира масленичного праздника начинается именно с бытовых деталей — через символическую смену парадного, карнавального быта (который в полной мере бытом называться не может, так как имеет характер неповторимой исключительности праздничных впечатлений) на сокровенную тайну Чистого понедельника и размеренную повседневность Великого поста. Эта перемена представлена почти ритуально и мифологизированно: Горкин будит ребенка и выгоняет масленицу, меняя вектор существующего миропорядка через обряд и переводя повествование в сферу воцерковленного бытия.

Сакральный мир православных праздников в «Лете Господне» осязаем и абсолютен: он охватывает не только пространство храмов, но и домашнюю атмосферу повседневной жизни через запахи («Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий Пост» [13, с. 506]), домашнюю обстановку («Ковры убрали, можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно, Великий Пост: раскатишься — и сломаешь ногу» [13, с. 507]), пищу («Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно?» [13, с. 507]). Овеществление духовного мира стирает различия между земным и небесным, подобно дихотомичной природе самого человека, в православном толковании которой душа не мыслится без тела. В детском мировосприятии главного героя повести даже Василь Василич — приказчик, размахивающий руками под влиянием чрезмерно выпитого, будто отгоняет «злого духа» [13, с. 508]. Интересно, что подобная «детскость» восприятия характерна и для героев Н. В. Гоголя [5], недаром пожилая чета Товстогузов наивна и беззаботна настолько, насколько это возможно в идеалистическом мире детства.

В художественном мире повести «Лето Господне» сакральной может стать каждая область материальной человеческой жизни, даже профессия: «Он ведь совсем святой — старенький и сухой, как и все святые. И еще плотник, а из плотников много самых больших святых: и Сергей Преподобный был плотником, и святой Иосиф» [13, с. 511]. Святость не закреплена как строгий религиозный постулат, здесь она близка к мирскому восприятию действительности наряду с широким и неканоничным пониманием праведности. Сам образ семьи в повести необычен: фигура матери практически отсутствует в тексте, а проводником в мир сакральных тайн и духовных истин становится Горкин — наставник главного героя и хранитель православного духа семьи. Поэтому священный семейный уклад, в котором все бытовое сопричастно бытийному, разъясняется главному герою Горкиным через мир ощущений и чувств, а не рациональных истин.

Все бытовое пространство «Лета Господня» пронизано образами еды, художественное значение которых определено ролью пищи как элемента сопричастности к православной культуре (блюда в Великий пост, разговенье, Пасхальная трапеза, Рождественский рынок), а также как символ связи героев в христианской вере по аналогии с традицией Причащения. Например, прощение отцом Вани солдата Де-

ниса, пропившего выручку, совершается после подношения живой рыбы, с помощью этого действия происходит примирение героев; а ложечка для щей, которую Горкин вырезает для Вани, и вовсе становится многозначным символом, одновременно способствуя приобщению к Духу Святому и сохраняя память поколений, семейное единство. Обед «для разных» [13, с. 580], который готовится для больших праздников по семейному завету, можно обозначить как разновидность особой сакральной пищи (по В. Н. Топорову) [12], когда угощение — это символ перехода от индивидуального сознания к соборному, от эгоизма к христианскому гуманизму, а сама еда мифологизируется как сакральный концепт (как, например, в библейских сюжетах или притчах). Продуктовое и кулинарное изобилие — это результат Божьей милости и благоволения к Ваниной семье, а мир повести «Лето Господне» предполагает семейный уклад как идиллическую гармонию земного существования. Бытовое пространство произведения в переплетении представлений народной веры, православных праздников и обрядов, изобилии блюд исконной русской кухни, мистики дворовых поверий действительно мифологизируется, но лишь отчасти; ключевым же принципом художественной реальности произведения остается взгляд на саму жизнь человека как на сакральную тайну.

В «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя акцент сделан не на православном мировосприятии героев (а отсюда — на одухотворенной бытовой и материальной жизни), а на вполне приземленном, естественном и даже отчасти примитивном существовании четы Товстогузов, но в этом и кроется обманное первое впечатление от повести. Ю. М. Лотман в одной из своих известных статей, посвященных творческому методу Н. В. Гоголя, называет писателя лгуном [6], что в контексте «Старосветских помещиков» не вызывает изумления. К этому тексту, может даже более всех прочих, можно отнести следующее высказывание исследователя: «Для Гоголя характерно превращение мира простого и привычного до такой степени, что он делается незаметным (“как бы не существует”) [6, с. 12–13], в мир, где все неожиданно и поэтому насыщается новыми смыслами». Подобное богатство смыслов и подтекстов повести не раскрывает источник всех тайн мироздания (то, что можно увидеть у И. С. Шмелева), а предлагает читателю самостоятельно найти для себя главную идею произведения, ценность которой определяется исходя из выбранного ракурса. «Старосветские помещики» рассматривались в литературоведении с разных точек зрения: во многих работах подчеркивается идиллическое начало в повести [3], но героев исследователи оценивают по-разному. Однако взгляд на произведение Н. В. Гоголя, исключаящий его ценностную, духовную составляющую, обращенный лишь к критике помещичьей жизни и утилитарному значению героев, лишен не только возможности полноценного понимания художественной многоплановости «Старосветских помещиков», но и фиксируется на одностороннем восприятии всего текста.

В пространстве повести мотив вторжения мистических и потусторонних сил несет негативное значение, ассоциирующееся с враждебным внешним миром, скрытым за границами дома и сада, о чем пишет И. А. Есаулов: «Акцентируется, как можно заметить, противопоставленность локализованного идиллического мира другой его части, где, вероятно, господствует другой, неидиллический миропорядок» [3, с. 30]. Такой контраст содержит ряд сопутствующих оппозиций: свое —

чужое, гармония — хаос, спокойствие — тревога и пр. Оплотом гармоничного существования становится семья в абсолютизированном единстве с бытом (так как отсутствует другой недоступный абсолютизм семейного единения — дети). Акцент на приемах пищи и на еде, который обозначает Ю. Манн [9], определен и мифологизированной ролью трапезы как аксиологического концепта, включающего в себя христианское значение.

Гостеприимство Товстогузов, о которых автор пишет: «Но интереснее всего казались для меня старички в то время, когда бывали у них гости. Тогда все в их доме принимало другой вид. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей» [2, с. 211], — имеет не бытовой характер, а свидетельствует о готовности принять другого человека как родного члена семьи (сравним с гостеприимством Ваниной семьи в «Лете Господнем»). Душевную чистоту героев подчеркивает сам Н. В. Гоголь, расширяя понимание характера героев до наивной безгрешности. В православной традиции еда и вино имеют сакральное значение, которое применимо и к дому помещиков: даже изобилие алкоголя связывается с лечебными свойствами, а не только лишь с праздничным застольем. Рецепт блюда примиряет разные национальности и религии: воспоминания Пульхерии Ивановны о пленной туркене пронизаны теплой доброжелательностью гостеприимной хозяйки, а не враждебным отторжением чужака.

Сакральные формулы быта и жизни помещиков сказочно мифологизированы: это может быть вариант «рая на земле» с изобильной и плодородной землей, спрятанной от посторонних глаз и вторжений, либо идеал счастливой супружеской жизни, заканчивающийся смертью в один день (жизнь Афанасия Ивановича потеряла смысл сразу после кончины супруги). За внешним бытописанием приземленной жизни скрывается тайна, которая является средоточием не только идиллии «Старосветских помещиков», но и почти сверхъестественной гармонии их дома. Сакральной становится любовь между супругами, в видимой простоте и обытовленности которой кроется подлинное сильное вечное чувство, не разрушимое даже перед лицом смерти. «Привычка» супругов, обозначенная в тексте, по точному замечанию И. А. Есаулова, является таковой «лишь с точки зрения рассказчика» [3, с. 32]. Кулинарный и бытовой фон жизни помещиков — это всего лишь первый, внешний план повествования, таящий в себе иррациональное, чуткое и глубокое понимание таинства семейной жизни. Оказываясь в привычной для себя среде поэзии повседневности, Н. В. Гоголь подспудно создает историю о настоящей земной любви, единственно возможной в ее счастливом развитии и завершении.

Заключение

Сложная творческая и жизненная судьба писателей, обозначенная А. М. Любимовым, роднит их не только в религиозных поисках, но и в особом миропонимании, признающим духовную реальность как неотъемлемую часть человеческого бытия. Сакральность художественных миров «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя и «Лета Господня» И. С. Шмелева, безусловно, не исчерпывается одними бытовыми образами. Отдельного внимания заслуживает и мистический контекст обоих произведений, в которых даже приход смерти сопровождается схожим знаменем от посланников-животных (у Н. В. Гоголя — это кошка, а у И. С. Шмелева — лошадь). Выявление схожих мотивов и образов в творчестве

Т. А. Муратова. Сакральные образы семейного быта в творчестве И. С. Шмелева и Н. В. Гоголя (на материале произведений «Лето Господне» и «Старосветские помещики»)

обоих авторов может продолжить изучение традиций ценностной и художественной преемственности русской классической литературы.

Литература

1. Бадужева Г. Ц. Тема кризиса семьи в современной русской литературе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. № 4. С. 61–68. Текст: непосредственный.
2. Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. Москва: Художественная литература, 1982. 432 с. Текст: непосредственный.
3. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения. («Миргород» Н. В. Гоголя). Москва, 1997. С. 23–41. Текст: непосредственный.
4. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / перевод с французского и вступительная статья. С. Н. Зенкина. Москва: ОГИ, 2003. 296 с. Текст: непосредственный.
5. Куликов А. К. Мифологические мотивы в творчестве Н. В. Гоголя. Философский анализ / А. К. Куликов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 294 с. Текст: непосредственный.
6. Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1996. С. 11–35. Текст: непосредственный.
7. Любомудров А. М. Николай Гоголь и Иван Шмелев. Путь спасения как художественная задача // Поэзия русской жизни в творчестве И. С. Шмелева: материалы международных научных конференций «Шмелевские чтения» 2007 и 2009 гг. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2011. С. 228–238. Текст: непосредственный.
8. Любомудров А. М. Чудо перерождения. Гоголь, Шмелев и их герои в поисках пути к истине // Литература в школе. 2012. № 4. С. 13–16. Текст: непосредственный.
9. Манн Ю. В. Творчество Гоголя. Смысл и форма. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 742 с. Текст: непосредственный.
10. Мосалева Г. В. Изографы русской словесности: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев: монография. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2019. 196 с. Текст: непосредственный.
11. Мосионжник Л. А. Понятие иерофании у Мирчи Элиаде (Заметки на полях одной книги) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ierofanii-u-mirchi-eliade-zametki-na-polyah-odnoy-knigi> (дата обращения: 07.10.2024). Текст: электронный.
12. Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира. Энциклопедия. Москва, 1980. Т. 1. С. 427–429. Текст: непосредственный.
13. Шмелев И. С. Собрание сочинений в одной книге / вступительная статья И. А. Ильина; комментарии О. Михайлова, Е. Осьмининной. Москва: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2013. 832 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 04.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

SACRED IMAGES OF FAMILY LIFE
IN THE WORKS OF I. S. SHMELEV AND N. V. GOGOL
(BASED ON “THE YEAR OF THE LORD” AND “THE OLD WORLD LANDOWNERS”)

Tatyana A. Muratova
Cand. Sci. (Philology),
Stavropol State Pedagogic University
56 Morozova St., 355000 Stavropol, Russia
o_tanyamuratova@mail.ru

Abstract. The article explores the realization of the concept of “sacred” in the domestic spaces of the novellas by N. V. Gogol and I. S. Shmelev, its interpretation in the artistic worlds of both writers, and the axiological justification for the sacralization of the material world in these works. The article highlights the similar perspective of the authors on the harmony between the material and spiritual realms, the unity of the mundane and existential foundations, and their focus on the hidden and profound meanings of the characters' everyday lives. Special attention is given to the motive of the intrusion of dark and ominous forces, contrasted with the enclosed sacred space in the texts, forming the key ontological opposition of “evil versus good”. The symbolic significance of domestic imagery and the spiritual context of the authors' depictions of home life, culinary culture, and daily routines are analyzed in detail.

Keywords: family, artistic image, spirituality, existence, Christianity, worldview, everyday life, axiology, mysticism, myth.

For citation

Muratova T. A. Sacred Images of Family Life in the Works of I. S. Shmelev and N. V. Gogol (Based On “The Year of the Lord” And “The Old World Landowners”). *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 4: 42–48 (in Russ.).

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 04.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.